

УДК 94:32-058.232.6(47+57)

Зверков Е. А.

Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет

Современных историков всё больше интересует социальная история России начала XX в. В некотором роде это знаменует собой переход от привычной парадигмы исключительности роли личности в истории к признанию важности факторов объективного характера. Масштабы русской революции 1917 г. заставляют нас снова и снова искать причины, приведшие к невиданным прежде социальным переломам. Данный интерес подогревается тем, что, несмотря на известные сложности социально-экономического характера, которые пришлось испытать России в предреволюционные годы, революция явилась неожиданно для большей части жителей империи.

Во многом именно этот интерес стал одним из двигателей развития регионоведения в последнее десятилетие. Особенно активно развивается изучение социально-политической ситуации, экономической ситуации в Центральном Черноземье, в Поволжье. Нельзя не отметить успехи, сделанные в изучении русского крестьянства научной школой Поволжья. Так, в частности, в работах О. А. Суховой раскрыты психологические особенности мышления крестьян. Д. И. Люшкин, в свою очередь, доказывает тезис о крестьянском аграрном движении 1917 г. как иррациональной, по своей сути, борьбе против всех видов частного землевладения. Удачный пример монографического изучения революции в провинции представляет собой исследование В. Н. Сапона, уделившего внимание революции 1917 г. в Нижнем Новгороде. Открываются новые страницы в исследовании участия крестьян в Гражданской войне.

В данном контексте хотелось бы представить читателю краткую характеристику Воронежской губернии как типичного региона Центрального Черноземья России в начале XX в.

К началу XX столетия Воронежская губерния представляла собой регион с ярко выраженной аграрной направленностью экономики. Иного, с учётом крайней слабости промышленного производства, и быть не могло, что подчёркивал и Ф. А. Щербина, долгое время возглавлявший Воронежское статистическое бюро [11, Отд. 3. с. 1].

Крестьяне составляли подавляющую часть населения региона. Историки сходятся во мнении, что оно колебалось на отметке в 88–93%, лишь немного превышая общий средний уровень крестьянского населения по европейской части России. В. Ю. Рылов, однако, полагает, что в реальности в деревне проживали около 70% крестьян, в то время как остальные были крестьянами только "по паспорту" [13, с. 66].

Большая часть крестьян губернии – бывшие государственные крестьяне. Бывшие крепостные насчитывали не более 30% крестьянских дворов (ок. 106 тыс.) [3, с. 8]. Отметим, что наибольший процент дворянского землевладения в губернии отмечался в Бобровском, Новохопёрском и Острогском уездах [9, с. 5]. Неудивительно, что именно в этих уездах на протяжении 1917 г. наблюдалась особая острота взаимоотношений между общинниками и частными землевладельцами. Н. Ф. Бунаков, известный педагог дореволюционной России, считал, что крепостническое унижение негативно сказалось на крестьянской психологии, сформировав недоверие ко всему чужому и своеобразное отношение к нормам морали, объясняя отступление от них "благоразумной обороной или справедливым возмездием" [2, с. 96].

© Зверков Е. А., 2020

ЗВЕРКОВ Евгений Андреевич, канд. ист. наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России (г. Воронеж). E-mail: zverkovphd@yandex.ru

Противоречивое влияние на состояние деревни оказывал стабильный демографический рост – за 1862–1914 гг. население губернии увеличилось в 2 раза и достигло отметки в 3,6 млн. чел. [10, с. 40]. В качестве иллюстрации отметим, что в 1914 году прирост населения составил 1,9% [11, Отд. II, с. 37]. Средняя численность составляла порядка 6 чел. [11, с. 10]. Одним из следствий высокой позитивной динамики в демографической сфере стало сокращение среднедушевого надела – с 4,1 десятины в 1860 г. до 2,8 в 1905 и 1,7 в 1917 г. (ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 476. Л. 9)¹.

Увеличение земельного фонда не успевало за демографическим ростом населения – так, объём пашни за 1860–1890 гг. увеличился всего лишь на 10%, в то время как население – более чем на треть [3, с. 131].

М. Д. Карпачёв, анализируя ситуацию надвигавшегося аграрного кризиса, выделяет и иные, внешне неочевидные следствия вышеописанной проблемы, такие как "явное ухудшение земельного баланса" [6, с. 13]. В результате, подчёркивает автор, быстрый рост доли пашни за счёт лугов, выгонов и леса [6, с. 13]. Из-за сокращения выгонов стремительно уменьшалось поголовье крупного рогатого скота.

На сокращение среднедушевого надела не смогла повлиять и постепенно снижающаяся доля частного землевладения – из 6 млн. дес. земельного фонда Воронежской губернии на долю частных владений к началу революции 1917 года оставалось не более 10%, т.е. 600 тысяч дес., а по иным оценкам, и вовсе 7,9% [7, с. 142]. Имеются, впрочем, сведения о том, что помещичьи хозяйства Воронежской губернии охватывали до 800 тыс. дес. [8, с. 146] Кроме того, ещё около четверти частновладельческих земель сдавались в аренду [7, с. 403]. Известны случаи, когда помещики, не имея никакого сельскохозяйственного инвентаря, сдавали в аренду всю имевшуюся у них землю. Обратной стороной этого процесса предстаёт высокий уровень земельной ренты – в иных случаях за аренду пашни приходилось отдавать более половины всего урожая [1, с. 146]. Считать подобное положение изобретением советской историографии не приходится – весной 1917 г. вопрос об изменении цен на аренду земли был одним из самых популярных вопросов, стоявших на обсуждении сельских обществ губернии.

Сокращение среднедушевого надела оказывало прямое воздействие на благосостояние крестьян. "Моральный" характер экономики деревни ставил уровень достатка крестьян в жёсткую зависимость от урожайности земли, погодных условий и размера земельного надела. По оценкам П. Г. Морева, только 11% крестьянских хозяйств губернии можно было отнести к зажиточным. В среднем на каждое такое хозяйство приходилось порядка 24,5 десятин земли [9, с. 11].

Малоземелье вынуждало крестьян уходить на промыслы. Вследствие слабого состояния в губернии фабрично-заводского производства, направлялись чаще всего в другие губернии. В большинстве случаев – на юг России. Промыслы давали до четверти доходов в семьях беднейших крестьян [14, с. 12]. Описанная ситуация заставляет невольно задуматься об угрозе голода. Однако говорить о кризисе продовольствия в губернии не приходится. Как отмечает М. Д. Карпачёв, его и не могло быть: "Очень медленно, но всё же повышалась эффективность сельскохозяйственного труда. Среднегодовые сборы хлебов имели тенденцию к повышению. Возрастали общие размеры пашни", запасы хлеба не подразумевали угрозы голода и в целом убеждали в относительно устойчивом положении сельского хозяйства [5, с. 79].

Часть крестьян отправлялась на заработки в губернский центр. Перед началом революций в губернии насчитывалось порядка 7 тысяч промышленных заведений с общим количеством рабочих 22 тысячи человек [11, с. 28].

Больше всего рабочих ожидаемо насчитывалось в Воронеже. Вместе с тем город с трудом можно было назвать промышленным центром. В 1917 г. на городских предприятиях трудились всего лишь около 12 тысяч человек [11, с. 5]. Однако даже эта цифра была достигнута благодаря Первой мировой войне, в ходе которой в город были эвакуированы некоторые промышленные заведения, например, из Риги эвакуировали в Воронеж завод Рихард-Поле.

¹ ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области

Среди уездных центров выделялся город Павловск. Меньше всего рабочих считывали Богучар и Нижнедевицк. Среди уездных городов наибольшей численностью промышленных заведений отличались Павловск и Новохопёрск. Однако большинство предприятий были малого масштаба, что отражалось на общем облике рабочих, привыкших трудиться на мелких заведениях. Даже на заводе В. Г. Столля, одном из крупнейших предприятий города, в 1916 г. работали не более тысячи человек.

Условия труда, как правило, оставляли желать много лучшего. Ситуацию усугубляло отсутствие социальной обеспеченности и страхования рабочих.

Острота земельного вопроса помогала поддерживать стабильно высокую популярность партии социалистов-революционеров и, кроме того, таила опасность рецидива событий 1905–1907 гг. Атмосфера нервного ожидания была характерна не только для Воронежа. Недаром тульский губернатор А. Н. Тройницкий, к слову, убеждённый монархист, ещё в 1915 г. давал тревожный прогноз, указывая, что "могут настать времена, похуже 1905 г.". Аграрный характер губернии отразился и на облике городских рабочих. Малый масштаб предприятий исключал возможность складывания корпоративной этики рабочих, характерной для рабочих столичных городов. Именно поэтому большевик Н. Н. Рабицев (1898–1938 г.), отвечавший в 1917 г. за работу партии среди воронежской молодёжи, досадливо охарактеризовал местных рабочих как людей с "мелкобуржуазной психологией".

В начале XX в. Воронеж представлял собой среднестатистический губернский город. Численность населения, в силу отсутствия крупной промышленности и сравнительно невысокого уровня деловой активности, по переписи 1897 г. составляла 80,5 тыс. чел. [12, с. 5] и к началу Первой мировой войны, по сведениям губернского статистического комитета, увеличилась всего на 2 тысячи. Вместе с тем Воронеж входил в число тридцати самых крупных городов империи.

Начало XX в. застало город в стадии постепенной "крестьянизации": необходимость бороться за выживание заставляла беднейшую часть крестьян отрываться от привычного быта и уходить на промыслы, в том числе и в Воронеж, где часть из них и оседала. В годы Первой русской революции крестьянское население Воронежа составляло порядка 32% [12, с. 5]. Основными районами расселения стали малоустроенные окраины города.

Взятый Россией в пореформенную эпоху курс на модернизацию экономики требовал пополнения экономики высококвалифицированными кадрами, для чего требовалось развитие образования и ликвидация безграмотности. Воронеж испытывал большие сложности в этом направлении. Несмотря на усилия правительства и земства по ликвидации народной безграмотности, неграмотными перед Первой мировой войной оставались до 47% жителей города [12, с. 252]. Низкий процент грамотности и острая нехватка средств стали причиной неудачи в попытке в 1907 г. открыть в городе университет. Только в 1912 г., благодаря стараниям земства, удалось добиться решения о создании сельскохозяйственного института (ныне – Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I). Собственный университет город получил уже при Советах, когда в 1918 г. был эвакуирован Юрьевский университет. В итоге в дореволюционном Воронеже так и не успели сложиться традиции вузовской интеллигенции. Не сложилось, если не считать отдельных кружков гимназистов, и оппозиционно настроенного студенчества. Тем не менее именно городская интеллигенция придала главный импульс развитию Февральской революции в городе, оформив структуру государственных и революционных органов.

Начало XX в. застало Воронежскую губернию в процессе нарастания социальных диспропорций. Несмотря на настойчивые требования времени, городу, в силу финансовых проблем, не удавалось побороть проблему народной безграмотности, без чего была совершенно невозможна интенсификация промышленного развития. Развитие промышленности было крайне важно и как фактор снижения социального раздражения в деревне путём предоставления рабочих мест тем, кому не находилось места в переполненном селе. Сокращение среднедушевого надела и малая доходность крестьянских хозяйств ставили под угрозу благополучие крестьянской общины. Предметом отдель-

ного внимания являлась оторванность основной массы населения от власти. Малочисленная полиция, считавшаяся крестьянами чужой, могла спастись от беспорядков только в мирное время. Как показала революция, ни власть, ни полиция так и не смогли выстроить контактов с крестьянами, что сделало их первыми жертвами революции. Сумма этих обстоятельств создавала благоприятную почву для будущих социальных потрясений.

Литература

1. Алексеев В. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. Воронеж: Коммуна, 1935. 222 с.
2. Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. Санкт-Петербург: типография общества "Общественная польза", 1906. 229 с.
3. Карпачёв М. Д. Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // Русская провинция. / Сост. Р. В. Андреева. Вып. 2. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1995. С. 5–24.
4. Карпачёв М. Д. Воронежская деревня накануне революции 1917 года: к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия ВГПУ. 2017. № 2 (275). С. 129–135.
5. Карпачёв М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. № 3. С. 66–81.
6. Карпачёв М. Д. Причины и социальные последствия аграрного перенаселения в Воронежской губернии в начале XX века // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2018. № 2. С. 13–19.
7. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 504 с.
8. Кудинова Ю. В. Положение крестьянства Воронежской губернии в период между двумя русскими революциями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 146–149.
9. Морев П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции. (Март – окт. 1917 г.) Воронеж : Издательство ВГУ, 1961. 103 с.
10. Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж: Типолиитография Губернского Правления, 1914.
11. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж: Типолиитография Губернского Правления, 1916. 660 с.
12. Попов П. А., Фирсов Б. А. Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII – начала XX века. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. 328 с.
13. Рылов В. Ю. Консерватизм в российской провинции: правое движение в губерниях Центрально-Земледельческого района. 1913–1917 /В. Ю. Рылов. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 621 с.
14. Табацкая И. Г. Некоторые аспекты культурного развития Воронежской губернии в 60-90-е годы XIX века. Воронеж: ИПЦ "Планета", 1999. 154 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseev V. Ocherki istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Voronezhskoj i Kurskoj oblastiakh. Voronezh: Kommuna, 1935. 222 s.
2. Bunakov N. Sel'skaya shkola i narodnaya zhizn'. Nablyudeniya i zametki sel'skogo uchitelya. Sankt-Peterburg: tipografija obshhestva "Obshhestvennaya pol'za", 1906. 229 s.
3. Karpachyov M. D. Voronezhskaya derevnya v gody stolypinskoj zemel'noj reformy // Russkaya provintsiya. / Sost. R. V. Andreeva. Vyp. 2. Voronezh: TSentral'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. S. 5–24.
4. Karpachyov M. D. Voronezhskaya derevnya nakanune revolyutsii 1917 goda: k otsenke predvaritel'nykh itogov stolypinskoj agrarnoj politiki // Izvestiya VGPU. 2017. № 2 (275). S. 129–135.
5. Karpachyov M. D. Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Voronezhskoj gubernii) // Rossijskaya istoriya. 2011. № 3. S. 66–81.
6. Karpachyov M. D. Prichiny i sotsial'nye posledstviya agrarnogo perenaseleniya v Voronezhskoj gubernii v nachale XX veka // Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2018. № 2. S. 13–19.
7. Koval'chenko I. D. Agrarnyj stroj Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2004. 504 s.

8. Kudinova YU. V. Polozhenie krest'yanstva Voronezhskoj gubernii v period mezhdu dvumya russkimi revolyutsiyami // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: EHkonomika. Informatika. 2011. № 13 (108). S. 146–149.
9. Morev P. G. Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii nakanune Oktyabr'skoj revolyutsii. (Mart – okt. 1917 g.) Voronezh : Izdatel'stvo VGU, 1961. 103 s.
10. Obzor Voronezhskoj gubernii za 1913 god. Voronezh: Tipolitografiya Gubernskogo Pravleniya, 1914.
11. Pamyatnaya knizhka Voronezhskoj gubernii na 1916 god. Voronezh: Tipolitografiya Gubernskogo Pravleniya, 1916. 660 s.
12. Popov P. A., Firsov B. A. Staryj Voronezh. Iz istorii gorodskogo byta XVIII – nachala XX veka. Voronezh: TSentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja, 2009. 328 s.
13. Rylov V. YU. Konservativizm v rossijskoj provintsii: pravoe dvizhenie v guberniyakh TSentral'no-Zemledel'cheskogo rajona. 1913–1917 /V. YU. Rylov. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2016. 621 s.
14. Tabatskaya I. G. Nekotorye aspekty kul'turnogo razvitiya Voronezhskoj gubernii v 60-90-e gody XIX veka. Voronezh: IPTS "Planeta", 1999. 154 s.

Зверков Е. А. Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет.

Статья посвящена рассмотрению социально-экономического облика Воронежской губернии в начале XX в. как характерного региона России того времени. Слабое развитие промышленного производства и преобладание крестьянства в социальной структуре сделали Воронежскую губернию аграрным регионом с высокой степенью чувствительности к демографическим процессам. Рабочий класс Воронежа, как и во многих других городах, пополнялся за счёт крестьян, уходивших на заработки из перенаселённых деревень. Крестьянское пополнение, однако, не было массовым, что отразилось и в сравнительно невысокой численности населения города вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Воронежская губерния, крестьянство, рабочие, регионоведение, аграрная экономика*

Zverkov E. A. Voronezh province in the early twentieth century: the socio-economic portrait.

The article is devoted to consideration of social and economic situation in Voronezh at the beginning of 20th century, because it is a typical region of Russia at that time. Voronezh province was made an agrarian region, which had a high sensibility to demographic processes by poor development of industrial production and a preponderance of peasant class in social structure. Working class in Voronezh increased with the help of peasants, who left countries in search of a job. However, replenishment of peasants was not mass and it had an impact on the urban population, which was not high enough until the World War I.

Key words: *Voronezh province, peasantry, workers, regional studies, agrarian economy*

Для цитирования: Зверков Е. А. Воронежская губерния в начале XX в.: социально-экономический портрет // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 64–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/64-68

For citation: Zverkov E. A. Voronezh province in the early twentieth century: the socio-economic portrait // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 64–68. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/64-68

